

УДК 37.018.1(091)(571.150)

А.А. Гоппе

ТРАДИЦИИ ТРУДОВОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ КРЕСТЬЯНАМИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются традиции трудового воспитания детей с опорой на устные исторические источники. Автор делает попытку определения роли детей в семейном производстве для обеспечения семьи дополнительными материальными средствами.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, трудовое воспитание, традиционная культура, семейное производство.

A.A. Goppe

TRADITIONS OF LABOR EDUCATION OF CHILDREN BY PEASANTS OF THE ALTAI TERRITORY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article discusses the traditions of labor education of children based on oral historical sources. The author makes an attempt to determine the role of children in family production in order to provide the family with additional material resources.

Key words: Great Patriotic War, labor education, traditional culture, family production.

Трудовое воспитание детей является неотъемлемой частью традиционной крестьянской культуры. Исследователями в той или иной степени изучены разные аспекты детской жизни в селе, в том числе характеристика половозрастного разделения труда детей и подростков, изучения в разных возрастных группах отдельных видов работ и т. п. Но эти аспекты рассмотрены в хронологических рамках конца XIX – начала XX века. Среди них можно выделить работы Н.А. Миненко, Н.Н. Громыко, Т.А. Листовой, В.А. Зверева [1–4] и других. Роль детей в домашнем производстве в советское время, в том числе и в годы Великой Отечественной войны, не нашла освещения в работах исследователей. Поэтому автор данной статьи ставит перед собой цель на основе полевых материалов и устных исторических источников проанализировать традиции трудового воспитания детей и их роль в семейном производстве в военное время.

В условиях, когда мужчин забрали на фронт, лишив деревню рабочей силы, женщины вынуждены были включиться во все производственные сферы. При этом они должны были изменить жизненные приоритеты в пользу производства. Особенно в полевой сезон, когда женщина практически отсутствовала дома, была оторвана от семьи [5, с. 382], что повлияло на социально-эконо-

мическое положение крестьянских семей в годы войны.

Данные обстоятельства оказали влияние на роль детей в семейном производстве, поставили их в условия самостоятельной борьбы с холодом и голодом. Раннее приобщение детей к труду было традиционным для русской крестьянской культуры, также ей была присуща половозрастная дифференциация с разделением на мужские и женские работы, а также соразмерное постепенное приучение к труду. Но в военное время в крестьянской семье возникла необходимость переложить на плечи детей не свойственные их возрасту работы. В семье произошло перераспределение обязанностей по содержанию дома, быта, подсобного хозяйства, огорода. Дети стали активно включаться в работу [6]. Перераспределению трудовых обязанностей в годы войны способствовала ситуация, сложившаяся в период коллективизации. Традиционная крестьянская культура в 1920–1930-е годы подверглась большим изменениям, связанным с процессом раскрестьянивания. По мнению Т.К. Щегловой, менталитет советского человека является преемником крестьянского менталитета [5]. А создание колхозно-совхозного сектора оторвало трудоспособных женщин и мужчин от семейного производства. Но

тем не менее характер подсобного хозяйства требовал ежедневного вложения сил.

Для анализа автором выбраны интервью людей, которые в годы войны были дошкольного и младшего школьного возраста (1935–1940-х годов рождения), росших под влиянием старшего поколения «бабушек и дедушек», которое передавало им традиционные навыки и умения. Эти навыки и умения об адаптационных традициях культуры закреплялись и реализовывались детьми на практике в условиях войны. В семьях, где не было бабушек и дедушек, дети росли без присмотра взрослых, что способствовало выработке самостоятельной жизненной стратегии выживания с опорой на природную наблюдательность и советы старших [7]. Рассказы детей (1933–1935 гг.) о военном времени Т.К. Щеглова характеризует как «бытовые истории». Объясняя это тем, что дети войны смотрели на происходившее «снизу вверх», часто в их памяти откладывались не событийные, а бытовые сюжеты, которые определялись условиями их жизни. В своих воспоминаниях они описывают повседневную жизнь, измеряя ее пищей, одеждой, т. к. находились в постоянной борьбе с голодом и холодом [5, с. 387].

Мотивом, побуждавшим детей к трудовым занятиям, являлась ежедневная потребность семьи в поддержании своей жизнедеятельности. Крестьянские дети осознавали свой труд как сильный и необходимый вклад в благополучие семьи. Молчанова Федосья Федотовна рассказывает: «Я помню, даже когда подросла. Девчата побегут вечером на танцы, у нас танцплощадка была возле озера, а мне все некогда. Надо 60 лунок огурцов полить, да помидор, да капусту. Пока я полью, когда ребята помогут, а когда у них свои дела, вот мне и некогда на танцы ходить» [8]. Материалы интервью показывают загруженность и присутствующую занятость взрослых и осознание детьми своей значимости и необходимости включиться в работу. «Ну, взрослым некогда, взрослые все работали» [9], – вспоминает Нечаева Ф.В. Интервью Новиковой В.А. также является примером: «Ну, старались чем-то маме помочь. Старались чем-то, чтобы она придет с работы. Вечером же приедут они, а мы картошку начистим и вот так таганок, называлось. Таганок, такой вот колясок и 3 ножки железные, это называлось таганок. И ставим чугунок, а какие палочки найдем, и вот картошку сварим, чтобы с работы мама пришла» [10].

Одним из базовых элементов культуры жизнеобеспечения является пища. Роль детей в обеспе-

чении продуктами питания семьи в военные годы возросла. Основным источником продуктов питания в годы Великой Отечественной войны становилось огородничество. Стоит отметить, что раскрестьянивание внесло значительные изменения в работы, которые проводились на огороде. После установления колхозного строя крестьяне лишились своих лошадей, и колхозы по очереди выделяли колхозникам лошадей для пахоты огородов. В годы войны это положение еще больше усугубилось из-за снижения поголовья лошадей, главным образом из-за мобилизации их на фронт. Поэтому колхозникам приходилось для пахоты огородов использовать коров или вскапывать их вручную [11]. Но к выполнению работ на огороде также привлекались дети. Так как работы были тяжелыми, и огородные посадки требовали постоянного ухода, обязанности по его содержанию старались делить между детьми соразмерно их силам и возможностям. Респонденты в интервью это отмечают. Новикова В.А. сравнивает свои возможности и возможности своей сестры в работе, которая была младше: «Я скажу: Катька моет пол, а я пойду окучивать. А огород большой, надо. Вот пойду 2 рядочка окучаю, приду, а она все одну доску [моет]. А некрашенный пол был, надо смочить водой, ножом поскоблить, а потом еще смачивать и вытирать. Вот так пол мыли, называлось «некрашенный», нечем было красить. Я ей нашлепаю: иди окучивай! Я буду мыть. Я две доски вымою, пойду, а она один ряд только окучает. Ну, она и моложе то меня была, и такая медлительная» [10].

В семье Молчановой Ф.Ф. обязанности по вскопке огорода распределялись между братьями и сестрой, при этом помечался участок, который должен был каждый из них вскопать, только после этого они могли идти отдыхать, играть: «Начинается весна, мы начинаем копать. Старший брат ровняет, говорит: Вот тебе! Кольшек поставит: вот тебе, вот тебе. Вот мы втроем – два брата и я – копаем [огород]» [8]. Другим примером служит интервью с Поздеевой А.И., где она говорит, что в их семье все обязанности по ведению огорода были распределены. Каждый знал их, соблюдал, но при этом сильно работой по огороду не перегружали, была мера и определенные часы на работу на огороде: раннее утро и вечер, чтобы солнце было не так высоко, чтобы не получить солнечный удар: «Те, которым 10-11 [лет], грядки уже сеяли, старше с тяпкой уже картошку окучивали. А маленькие знали, что грядки утром до жары нужно сделать. До обеда должны были грядку про-

полоть, а потом на речку купаться-отдыхать, а к вечеру, когда солнце уйдет, снова. Сильно не перегружали, сгореть же можно на солнце. У нас хоть и большая семья была, все знали свои обязанности. Все приучены были к работе. С малолетства знали, что как делать» [12]. В этом интервью также прослеживается сохранение крестьянских традиций по трудовому воспитанию детей, которые выступили подстраховщиками сельского населения в годы войны. Анализ интервью показал, что и сбор урожая на огороде ложился на плечи детей. Новикова В.А. вспоминала: «А помидоры, вот осень, уже поздняя осень. Она уходит [мама]: Соберите сегодня помидоры и стаскайте в избу, под кровати сыпьте» [10].

Еще одной обязанностью и одновременно потребностью детей стало собирательство. Оно являлось важным источником питания, но в отличие от огородничества основывалось на присваивающем хозяйстве, поэтому было доступно для нетрудоспособного населения. Из активного занятия собирательством выпадали трудоспособные женщины и подростки, на плечи которых легла вся производственная нагрузка. По времени работ и собирательство, и массовые сельскохозяйственные работы совпали в силу своего сезонного характера. Как отмечает Т.К. Щеглова, массовое собирательство привело к тому, что наиболее распространенными компонентами питания стала растительная пища, добытая из окружающего деревню природного пространства. При этом собирательство обеспечивало семью почти круглый год и включало широкий круг съедобных даров природы: и дикорастущие травы, и ягоды, и грибы, и орехи. Время же самого сбора охватывало период с апреля по октябрь – от снега до снега. Продукты собирательства могли съедаться детьми при повседневном собирательстве. Т.К. Щеглова называет эту форму собирательства «пропитание на подножном корму». Это было ежедневное индивидуальное собирательство всего съедобного в окрестностях села. Своего

рода содержание детей дошкольного и младшего школьного возраста на «подножном корму» [13].

Другой формой собирательства являлось организованное (коллективное) собирательство, как правило, со старшими членами семьи, при этой форме собирательства происходил целенаправленный сбор грибов, ягод, дикорастущих трав для заготовки на зиму. «Лебеду, крапиву почему-то не ели, а лебеду ели, потому что весной варили суп из нее. Теперь у нас на лугах лук луговой растет. Значит, мы его, ребятишки ходили, мешками прям, нарывали, потом приходили, засаливали его» [14], – вспоминает Потапов П.П.

В своих воспоминаниях Харлова М.В. упоминает о походе за ревенем, иллюстрирующем тяжесть его заготовки из-за расстояния, которое следовало пройти: «А у нас тогда ревня не было. А ты знаешь, куда мы за ревенем ходили? Вот какая сила была. Белая [река] вон где, туды под Белую ходили. Пришли, идем, а там когда мы туда шли, ключ был хороший, попался, мы попили, пошли. А воды то нет, чтобы бутылку взять с собой воды, пить захотели, сейчас напьемся и домой пойдем. Подходим к ключу, а там змея. Ну и как? А нам опять идти сюды, домой сюды от этого от ключа. И пошли, не пивши, и вот пришли домой, я пришла, мешок сбросила с себя, маленько посидела, а потом встать не могу. Я отбила ноги как на ходулях. Мы, считай, к обеду туда-сюда вернулись. Совсем отбили ноги».

Таким образом, семейные трудовые традиции сохранились в годы становления колхозно-совхозного строя и оказались востребованы сельским обществом в годы Великой Отечественной войны. В частности, это касалось и трудового воспитания детей. Традиционное трудовое воспитание детей позволило деревенскому обществу тыловой деревни самоорганизоваться в условиях войны. Раннее привлечение детей к труду способствовало удовлетворению не только собственных потребностей детей в их борьбе с голодом и холодом, но и потребностей семьи в продуктах питания.

Библиографический список

1. Миненко, Н. А. Русская крестьянская семья (XVIII – первой половины XIX в.) / Н. А. Миненко. – Новосибирск : Наука, 1979. – 352 с.
2. Громько, М. М. Мир русской деревни / М. М. Громько. – Москва : Молодая гвардия, 1991. – 269 с.
3. Листова, Т. А. Традиции трудового воспитания в деревне / Т. А. Листова // Русские: историко-этнографические очерки. – Москва : ИЭА РАН, 1997. – С. 114–142.
4. Зверев, В. А. Дети – отцам замена : воспроизводство сельского населения Сибири, 1861–1917 гг. / В. А. Зверев. – Новосибирск : Изд-во НГПИ, 1993. – 244 с.

5. Щеглова, Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история : монография / Т. К. Щеглова. — Барнаул : БГПУ, 2008. — 528 с.
6. Щеглова, Т. К. Структура и категории сельского русского населения сибирской деревни как фактор адаптационных механизмов традиционной культуры жизнеобеспечения в повседневных практиках войны 1941–1945 годов: к проблеме введения и интерпретации материалов устной истории в научные тексты / Т. К. Щеглова // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы международной научной конференции, посвященной 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.) / под ред. Т. К. Щегловой. — Барнаул : АлтГПУ, 2015. — Вып. 9. — С. 366–378.
7. Щеглова, Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны : научные и методические материалы / Т. К. Щеглова. — Барнаул : АЗБУКА, 2015. — 132 с.
8. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. — Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015: Благовещенский район, с. Благовещенка. Молчанова Ф.Ф. 1936 г. р.
9. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. — Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016: Усть-Пристанский район, с. Усть-Пристань. Нечаева В.Ф. 1926 г. р.
10. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. — Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016: Крутихинский район, с. Заковряшино. Новикова В.А. 1934 г. р.
11. Алекса, Д. В. Огородничество в системе жизнеобеспечения сельского русского населения Алтайского края в годы Великой Отечественной войны / Д. В. Алекса, А. В. Рыков // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы международной научной конференции, посвященной 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения АлтГПУ (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.) / под ред. Т. К. Щегловой. — Барнаул : АлтГПУ, 2015. — Вып. 9. — С. 306–310.
12. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. — Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015: Залесовский район, с. Залесово. Поздеева А.И. 1932 г. р.
13. Щеглова, Т. К. Собирачество как стратегия выживания и элемент системы жизнеобеспечения сибирской тыловой деревни в повседневных практиках военного времени 1941–1945 годов по устным историческим источникам / Т. К. Щеглова // Былые годы. Российский исторический журнал. — 2015. — № 35. — С. 174–184.
14. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. — Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016: Усть-Пристанский район, с. Усть-Пристань. Потапов П.П. 1938 г. р.